

УДК 94(470.4/5)

Н. В. Пислегин

**ТРАДИЦИИ ВЗАИМОПОМОЩИ
У НАРОДОВ КАМСКО-ВЯТСКОГО КРАЯ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ***

Освещаются особенности развития института помочей среди народов Камско-Вятского края (удмурты, русские, татары) в эпоху традиционной крестьянской общины. Проведены некоторые параллели с традициями взаимопомощи в сельской местности современной Удмуртии.

Ключевые слова: крестьянство, община, взаимопомощь, помочь, Удмуртия, народы Камско-Вятского края, круговая порука, угощение, призыв, инициатива.

Одной из неотъемлемых общинных традиций как проявлений общинной жизни являются помочи (удм. *веме*, тат. *өлә*, мар. *вима*). Общественные работы, наряду с религиозными и нравственными функциями, составляли важные стороны жизни общины. Будучи социальным регулятором, она обеспечивала необходимое для развития традиций сочетание устойчивости и динамики. Семья и община играли определяющую роль в сохранении и воспроизводстве традиционной культуры. Регулирование внутренней жизни крестьянского социума осуществлялось на основе обычного права. Согласно взглядам крестьян, общинное управление основывалось на идеалах справедливости и христианских (мусульманских, языческих?) заповедях. Отсюда то чувство правды, гарантом которого выступал крестьянский «мир» [1]. Традиции взаимопомощи, наряду с ее экономической обоснованностью (значительный круг работ непосилен для одной семьи), были составной частью мироощущения этого мира.

По мнению М. М. Громыко, поддержанному Г. А. Никитиной, исследователем удмуртской общины вт. пол. XIX – пер. трети XX в., многообразные проявления крестьянской взаимопомощи можно свести к трем типам.

Первый из них (поочередная помощь всей общиной всем общинникам) в XIX в. в основных сельскохозяйственных работах не встречался, но широко

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Проект № 12-П-6-1009 «Социальная динамика российской периферии: традиции и инновации (XV–XX вв.)».

применялся в таких вспомогательных делах, как вывозка навоза на паровые поля, разминание льна, прядение и др. [2]. Кроме этнографических свидетельств об этом типе, встречаются и ранние архивные упоминания о нем. Так, осенью 1802 г. («в октябре или ноябре месяце... но только во вторник, ...по дороге зимней») крестьянин поч. Киселевского (другое название – Сверх Артынских верховин) Валамазской волости Глазовского уезда Василий Садаков организовал у себя «по их сельскому обыкновению» помочь по вывозке навоза. Среди участников последней были и жители находящегося в полутора верстах поч. Клабуковского Илларион Киселев со снохой (женой брата) Марфой. Названия поселений явно происходят от фамилий их основателей, в обоих из них, по данным V (1795 г.) и VI (1811 г.) ревизий, проживали экономические крестьяне (в одном починке также проживали чернососные крестьяне, в другом – ясачные). Логично предполагать родственные связи между ними, чем, собственно, и можно объяснить такую межпоселенную кооперацию. По окончании работ «пили все пиво и, побыв до полуночи, все разошлись по своим домам». Жена организатора помочи Василиса провожала помочан «из своего дому из ограды» [3].

Ко второму типу относится поддержка по решению схода одному из общинников, оказавшемуся в исключительно неблагоприятных условиях. Устраивались такие помочи для пахоты, сева, косьбы, жатвы, стройки и других видов работ.

Наконец, третий тип – помочи, затеваемые по инициативе одного хозяина, и, как правило, касавшиеся сельскохозяйственной работы либо строительства [4]. Возможно, этот тип был наиболее распространенным.

Особенным разнообразием отличались у удмуртов *веме*, проводимые женщинами в связи с обработкой технических культур (лен, конопля) и мытьем домов. Активно применялись помочи также в семейно-бытовой обрядности. Кроме того, важнейшей стороной общинной жизни была взаимопомощь предметами, продуктами и деньгами. Во всем этом, помимо законодательно оформленного фискального принципа круговой поруки, немаловажную роль играли традиции добрососедских отношений, родства и свойства [5].

Среди мотивов, побуждавших человека выйти для помочи, подчиняясь общему решению, были разные: внутреннее убеждение и традиционно сложившиеся взгляды; либо уважение к общественному мнению и нежелание противопоставить себя ему; либо, возможно, принуждение должностным лицом. Система нравственных ценностей, стоявшая за этими нормами поведения, для того времени была глубоко традиционной и в целом однородной. Совершенно безвозмездные (то есть без непременно угощения) помочи общины отдельному члену ее при особенно неблагоприятных для него обстоятельствах (пожар, болезнь, вдовство, сиротство, падеж лошади) были, согласно крестьянским этическим нормам, обязательными. По представлениям селян, община просто не могла отказать в таких случаях либо сама проявляла инициативу в организации помощи [6]. Немаловажный фактор также – отмеченные отношения родства и свойства. Так, житель поч. Зюзинского русской Верховской Рождественской волости Глазовского уезда Иван Яковлев сын Сусеков следующим образом объяснял свой незванный приход 3 августа 1796 г. на помощь для жатвы овса к своим односельчанам Харитону и Михаилу Воробьевым: «И поколику отец родной Харитона, объявленный

Тихон, был во время крещения его, Ивана, восприемным отцом, и Харитон почитается ему, Ивану, крестным братом, а потому и по дружеству, будучи незван, зашел на оную [помочь], был тут до самого вечера». В той помочи участвовали более 12 мужчин, а также женщины. Вечером было традиционное хозяйское угощение, пили «по обыкновению» пиво и напились «оного все весьма пьяны». Собственно, потому нам и известен этот случай крестьянской взаимопомощи: на пьяной почве его случилась ссора (Сусеков «сидел, непорядочным образом ругал будущих на оной помочан всячески матерною бранью», «начал он, Иван, из тех сотоварищей его Антипе Вотинцову проговаривать, что он, Антипа, у него, Ивана, отнял напрасно и пользуется принадлежащей ему, Ивану, землею»), вылившаяся в поножовщину со смертельным исходом [7].

Исследователи отмечают использование крестьянской взаимопомощи в пореформенный период как «прикрытую форму эксплуатации неимущих общинников зажиточными». Более состоятельные, к примеру, чаще организовывали помощь при жатве, причем значительную часть пришедших составляли крестьяне, находящиеся в экономической зависимости от организатора [8]. Вероятно, так же обстояло дело и в предыдущий исторический период, чем можно объяснить бытие «на помоче для жнитва овса в яровом поле» у крестьянина поч. Нелюбинского Сунской волости Слободского уезда Софония Боровикова солдатки Авдотьи Вонифантьевой Абрамовой с дочерью Татьяной, жительниц д. Сталшковской Верхосунской волости Глазовского уезда в 1803 г. Примечательно, что данное поле находилось вблизи места жительства помочанок [9]. Подобные же сомнения в равноправности субъектов можно высказать относительно помощи в возке дров, оказанной удмуртами Уканской волости Прохором Дьяконовым, Алексеем и Петром Владыкиными и Никитой Ельцовым выходцу из Святицкой волости, содержателю Садинской мельницы Кондратию Четвертных (судя по фамилии, русскому) в конце 1807 г. [10].

Помочи, устраиваемые в крестьянских хозяйствах для быстрого проведения отдельных видов особо трудоемких работ, занимали (и отчасти продолжают занимать) важное место среди обрядов осенне-зимнего календарного цикла у татар. Здесь наиболее значимы были *каз өмәсе* – женские коллективные помочи для обработки зарезанных гусей. После кропотливой процедуры общипывания, потрошения и промывки птицы их участниц угощали за праздничным столом супом и кашей с мясом птицы, чаем с выпечкой. Дополнительные рабочие руки зачастую привлекались даже при отсутствии острой нужды в них: гусиные помочи способствовали знакомству юношей и девушек. К специфичным, сугубо женским, помочам относились *сүс талку өмәсе* – работы по подготовке растительных волокон для тканья. Каждая женщина приносила свою мялку. Песни и угощения были непременным атрибутом этого вида помощи. 5–6 мужчин и 2–3 женщины могли приглашаться для забоя крупного рогатого скота и лошадей. Мужчины резали, свеживали и разделявали животных, а женщины обрабатывали потроха [11]. В традиционных культурах народов Дагестана основной массив помочей также приходился на позднюю осень – время завершения уборки урожая. Девушки, невесты, молодые женщины расчесывали шерсть, очищали коноплю, изготавливали пряжу, а для девочек-подростков помочи служили

своеобразными инициациями. У проживающих в горах помочи по-прежнему широко распространены [12].

Многие сотни лет основной производственной ячейкой общины была семья. Условиями крестьянского хозяйствования на земле во многом определялась живучесть общинных традиций [13]. В моменты переселений на новые, часто ранее не заселенные, места роль коллективного труда и взаимопомощи усиливалась. Всем «миром», в частности, обычно строились дома. Мордовские крестьяне, переселявшиеся в Сибирь, ставили избы по очереди, определяемой жребием. Для полной постройки дома требовалось три–четыре помочи. Как правило, они обычно устраивались в выходные дни [14].

Коллективный труд на благо всей общины продолжал бытовать не только в момент ее возрождения на новом месте после переселения. В мае 1798 г. «по согласию всех соседей» поч. Верхолемского Бельской волости Глазовского уезда начали запруживать р. Лем в лугах «для своего селения». Потом «придумали» построить здесь амбар и «сделать в нем мукомольный станок» из елового валежника, «дабы оный не изгнул напрасно». За подобные действия крестьяне были оштрафованы [15]. Тем не менее таким образом появлялось коллективное имущество. Своеобразным общественным достоянием были, например, запасной хлебный магазин и так называемая пожарная часть, появившиеся под непосредственным влиянием и даже давлением государства. Практически все реалии традиционной крестьянской общины можно было перевести на помочи, что очень удобно для официальной власти: уплата налогов, выполнение повинностей, реализация местного самоуправления и поддержание общественного порядка шли по принципу круговой поруки и взаимной помощи. По мере усиления возможностей государства за счет развития других, помимо аграрной, сфер экономики, в этом отпадала надобность. На смену полицейскому десятнику (должности, выполняемой крестьянами по очереди) приходит участковый, получающий зарплату от государства.

Традиции взаимопомощи в относительно узком смысле пережили крестьянскую общину. По справедливому утверждению И. К. Назмутдиновой, традиции *веме* и сегодня распространены в среде удмуртов, проживающих в сельской местности. Сохранились помочи, связанные со строительством (принадлежащие к третьему, инициативному, типу). В наши дни деревенские женщины все так же поочередно помогают друг другу во время обработки и заготовки мяса домашней птицы. Наконец, по-прежнему оказывается поддержка людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию (например, погорельцам) [16].

Результаты включенного наблюдения автора 1990-х – пер. пол. 2010-х гг. (с. Кыйлуд Увинского р-на УР, в меньшей степени – п. Кизнер) подтверждают и отчасти дополняют исследование И. К. Назмутдиновой о трудовой кооперации современных сельских жителей. Правда, в силу незначительной «репрезентативности» наших замечаний представляется затруднительным использовать классификацию помочей М. М. Громыко, вполне удачно используемую современными исследователями. Вместе с тем настоящие материалы подтверждают существование поддержки нуждающихся (трудом, вещами, продуктами и деньгами) в силу неблагоприятного стечения обстоятельств (второй тип).

Другие виды трудовой взаимопомощи сложнее подразделить на первый или второй типы, поскольку многие из них могут исходить из инициативы отдельного домохозяина, но весьма часто и поочередно (односельчане помогают в трудозатратных и относительно быстро выполняемых операциях, надеясь, причем далеко не всегда, на ответную помощь в будущем). Среди основных деревенских работ можно назвать сегодня следующие, проводимые с использованием коллективных усилий:

– заготовка сена. Значительная часть сенокосных работ в частных подворьях в наши дни механизирована, причем все еще используется в основном колхозная техника, выделяемая по льготной цене. Та или иная техника («средние» тракторы, так или иначе приобретенные у крупных, зачатую развалившихся хозяйств, в меньшей степени, купленные и самодельные мини-тракторы, косилки, конные грабли и т.д.) имеется и в личных подсобных хозяйствах. Тем не менее часто всего возникает необходимость загрузки, разгрузки и переноски сена, в чем тому или иному домохозяйству помогают соседи, родственники, «свойственники», друзья... Объемы взаимной поддержки на сегодня уменьшились, поскольку многие перестали держать коров. Принципы, отмеченные в этом виде помочей, в значительной степени действуют и в других видах трудовой кооперации селян;

– посадка картофеля «под плуг» или «в грядку», его сбор после картофелекопалки. Распространены в меньшей степени, поскольку на относительно больших площадях он все еще высаживается «колхозной» картофелесажалкой; объем работы в конкретный день можно запланировать. Реже, чем прежде, помогают заносить картофель в подполье ввиду относительно небольших объемов выкопанного и собранного за день;

– рубка срубов бань, хлебов и т.п., их перевозка и установка, иные строительные работы. В отличие от отмеченных выше видов помочей, здесь, как правило, приглашают мужчин, реже они приходят по собственной инициативе;

– заготовка леса. В ней часто объединяются усилия людей, которым выделены лесные делянки по соседству; участие женщин отмечается относительно редко;

– выгрузка, переноска и укладка каких-либо тяжелых и/или громоздких грузов (например, железные листы профнастила или металлочерепицы для покрытия крыши);

– перевозка / вывозка относительно тяжелого и объемного груза, например, навоза. Применяется эпизодически, поскольку все еще (как и в последние годы советской эпохи) есть возможность облегчить работу за счет привлечения погрузочной техники сельхозпредприятия;

– заготовка мяса и забой крупного рогатого скота, свиней. Как правило, приходят (или приглашаются) соседи или родственники. Мужчин и женщин в целом бывает меньше (особенно при забое свиней), чем отмечалось у татар в *ома*. Угощение непременно включает в себя жареные (с. Кыйлуд) либо вареные (п. Кизнер) печень, сердце, почки, иногда селезенку, легкие забитого скота. Спиртное менее обязательно.

Как и в эпоху традиционного общинного крестьянства, помочи завершаются угощением (спиртное не обязательно), в последние годы часто непродолжительным по времени (обычно несколько часов). Далекое не все современные помочане –

удмурты: в крупных сельских поселениях республики проживают и участвуют в трудовой взаимопомощи русские и представители других национальностей [17].

В заключение заметим, что взаимная поддержка, в том числе трудовая, – «родовая» черта человека, независимо от того, в какой общественно-экономической формации он живет. В условиях сельского «общего жития» она естественна и актуальна в любую эпоху. Возможно, обращение к традициям взаимопомощи особенно позволяет «реализовать банальную суть крестьяноведения – беспристрастное изучение крестьян самих по себе» [18].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Пислегин Н. В.* Община в обыденной жизни крестьян Удмуртии: материалы конца XVIII – первой половины XIX века // Вестник Удмуртского университета. 2013. Серия 5: История и филология. Вып. 1. С. 24; *Кузнецов С. В.* Культура русской деревни // Очерки русской культуры XIX века. Общественно-культурная среда. М., 1998. Т. 1. С. 221, 223, 225.

2. *Громыко М. М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 37; *Никитина Г. А.* Сельская община – бускель – в пореформенный период (1861–1900 гг.). Ижевск, 1993. С. 101–104.

3. ЦГА УР. Ф. 126. Оп. 1. Д. 40. Л. 10–11; ГАКО. Ф. 176. Оп. 8. Д. 8. Л. 194–200об.; Д. 21. Л. 59–61; Вятская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859–1873 годов. СПб., 1876. С. 146.

4. *Громыко М. М.* Указ. соч. С. 37; *Никитина Г. А.* Указ. соч. С. 101–104.

5. *Никитина Г. А.* Указ. соч. С. 104–109.

6. *Громыко М. М.* Указ. соч. С. 60, 64.

7. ЦГА УР. Ф. 347. Оп. 1. Д. 126. Л. 528–528об., 529об., 539.

8. См., напр.: *Никитина Г. А.* Указ. соч. С. 100, 107.

9. ЦГА УР. Ф. 126. Оп. 1. Д. 40. Л. 360–360об. Возможна неточная интерпретация названия поселения и его административной принадлежности. Вариант более точного названия – поч. Мальшаковский (см.: ГАКО. Ф. 583. Оп. 22. Д. 48. Л. 295).

10. ЦГА УР. Ф. 126. Оп. 1. Д. 52. Л. 210–210об.

11. *Касимова Д. Г.* Животноводство [татар] // Удмуртская Республика: историко-этнографические очерки. Ижевск, 2012. С. 187; *Сафина Ф. Ш.* Ткачество татар Поволжья и Урала (Конец XIX – начало XX вв.). Режим доступа: <http://ursaev.ucoz.net/publ/18-1-0-58>. Дата обращения: 17.01.2014 г.; Обряды татар. Режим доступа: <http://www.mordovia.info/wiki/>. Дата обращения: 17.01.2014 г.

12. *Магомедов А. М., Гайдарова Л. И.* Традиционные требования горцев к воспитанию и формированию личности // Изв. Дагестанского госуд. пед. ун-та. Психолого-педагогические науки. 2011. № 3. С. 61–64.

13. *Сухова О. А.* Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 614.

14. *Щанкина Л. Н.* Традиционное жилище мордовских переселенцев Сибири // Этнографическое обозрение. 2011. № 3. С. 111.

15. ЦГА УР. Ф. 126. Оп. 1. Д. 631. Л. 1, 23об.

16. *Назмутдинова И. К.* Крестьянская взаимопомощь: традиции и реальность // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: История и Современ-

ность: Материалы Междунар. научно-практ. конф. (г. Глазов, 18–19 марта 2010 г.). Глазов, 2010. С. 340–345.

17. ПМА, 1990-е – первая треть 2010-х гг.

18. Цит. по: *Толстов С. И.* Крестьяноведение: предмет, трудности становления, региональный аспект // Вторые науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина 6–7 октября 1999 года: Материалы конф. Барнаул, 2000. С. 198. Режим доступа: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod2/40-199.html> Дата обращения: 30.01.2014 г.

Поступила в редакцию 23.01.2014

N. V. Pislegin

Traditions of Mutual Aid Among Peoples of the Kama-Vyatka Region in Historical Retrospective

The article investigates some peculiarities of mutual aid («помощ») among peoples of the Kama-Vyatka region (Udmurts, Russians, Tatars) in the time of the traditional peasant community. There are several parallels with traditions of mutual aid in the contemporary countryside of Udmurtia.

Keywords: peasantry, peasant community, mutual aid, «помощ», Udmurtia, peoples of the Kama-Vyatka region, mutual guarantee, treats, chummage, initiative.

Пислегин Николай Викторович,

кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: cpeg@rambler.ru

Pislegin Nikolay Viktorovich,

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Research Assistant,
Udmurt Institute of History, Language and Literature of the
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: cpeg@rambler.ru